

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ В 70—90-х ГОДАХ XVII ВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНСКИМ ЗЕМЛЯМ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Украинская советская историография внесла, особенно в послевоенные годы, значительный вклад в изучение проблемы русско-украинских экономических, культурных и политических связей и взаимоотношений в середине XVII века и частично в предшествующем столетии.

К числу этих исследований относятся монографии И. П. Крипякевича, А. К. Касименко, Ф. П. Шевченко<sup>1)</sup> и других авторов. Однако в этих работах предметом изучения явились русско-украинские взаимоотношения преимущественно периода освободительной войны украинского народа (1648—54 гг.). Русско-украинские политические отношения последующего периода (второй половины XVII ст.) исследованы лишь на материалах украинских земель, вошедших в состав Русского государства в результате совместной борьбы русского и украинского народов за осуществление исторических решений земского собора и народной Переяславской рады 1654 г.

Что же касается украинских земель, которые во второй половине XVII века в силу ряда причин политического характера оставались невоссоединенными с Россией и находились под господством шляхетской Речи Посполитой — Польско-Литовского государства, то отношение к ним русского правительства в советской исторической литературе пока остается недостаточно выясненным.

Для изучения этой проблемы чрезвычайно важно рассмотреть деятельность русской дипломатии, в частности русско-польские переговоры во второй половине XVII столетия, и вопрос о невоссоединенных украинских землях и населении, которое оставалось под гнетом польских феодалов и подвергалось усилившемуся национально-религиозному гнету.

Большое значение для понимания некоторых аспектов этого вопроса имеют исследования советскими историками русско-польских отношений в 70—90-е годы XVII века в интересах совместной антитурецкой борьбы.

Эти вопросы нашли освещение в кандидатских диссертациях И. В. Галактионова (1960 г.) об Андрусовском перемирии 1667 г., Т. Н. Копреевой (1952 г.) о русско-польских отношениях от Андрусовского перемирия до «вечного мира» 1686 г., И. Б. Грекова (1950 г.) о «вечном мире» России с Польшей, О. Махатки (1958 г.) о взаимоотношениях России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной 1683—1699 гг. Однако политические взаимоотношения с Украиной в указанных работах специально не рассматриваются.

<sup>1)</sup> И. П. Крипякевич. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Нариси. К., 1953. О. К. Касименко. Російсько-українські взаємовідносини 1648—початку 1651 рр. К., 1955. Ф. П. Шевченко. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. К., 1959.

Свидетельством недостаточной изученности вопроса о деятельности русской дипломатии во второй половине XVII ст. по отношению украинских земель, которые оставались под гнетом Польши (Правобережной Украины, юга Украины, Волыни, Подолья, Галичины), является отсутствие хотя бы упоминания об этом в академических изданиях: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» (М., 1955), «История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия», т. III, М., 1967, в первом томе «Истории Польши» (издательства АН СССР 1956 г.). В недавно вышедшем первом томе нового издания АН УССР «Історія Української РСР» также отсутствуют какие-либо сведения на этот счет.

Одним из малоизученных вопросов по истории русско-украинских взаимоотношений во второй половине XVII века является деятельность русских дипломатов, в том числе постоянных дипломатических представителей Русского государства, аккредитованных при правительстве Речи Посполитой (так называемых резидентов по дипломатической терминологии того времени).

Источниковедческой базой изучения данного вопроса послужили неопубликованные материалы Центрального Государственного Архива Древних Актов СССР в Москве (сокращенно — ЦГАДА), в особенности фонда — «Сношения России с Польшей» (так наз. «Польские дела»). Здесь хранятся многочисленные оригинальные документы о пребывании русских дипломатов на Украине в 70—90-х гг. XVII века, так наз. «отправления» русских послов «на резиденцию» в Польшу с инструкциями русского правительства, «статейные списки» и «отписки» в Посольский приказ, их донесения в Москву. Посольские книги ЦГАДА, освещающие вопросы политических отношений с украинскими землями, оставшимися в пределах Речи Посполитой, насчитывают свыше 20 томов. Это чрезвычайно ценная и, к сожалению, пока ожидающая издания коллекция источников по истории международных отношений в Восточной Европе во второй половине XVII в., русско-польских и русско-украинских взаимоотношений.

В статье рассмотрены лишь два аспекта русско-украинских отношений: 1) мероприятия русской дипломатии перед правительством Речи Посполитой по вопросам положения украинского и белорусского населения под игом польской шляхты и католического духовенства; 2) установление русскими дипломатами непосредственных связей с местным украинским населением, которое предоставляло русским представителям важную военно-политическую информацию и выражало свое стремление к воссоединению с Россией.

Во второй половине XVII века лишь левобережная часть Украины была воссоединенной с Русским государством. Правобережье, часть юга Украины, Волынь, Галичина, Белоруссия, Смоленская земля (последняя до Андрусовского перемирия) оставались в составе Речи Посполитой, Буковина — в составе владений Молдавского господаря, Закарпатье — под властью венгерских феодалов. На этих землях коренное население подвергалось, кроме социального, национально-религиозному угнетению. Усилилось наступление католического и униатского духовенства.

В этих условиях укрепление политических связей с Россией, получение дипломатической и материальной поддержки для украинских и белорусских культурных и политических деятелей стало насущной необходимостью.

Между украинскими и русскими землями существовали традиционные экономические, политические и культурные взаимосвязи, ведущее место среди них занимали политические, которые отражали тяготение

украинских широких масс к воссоединению с Россией. Следует отметить, что эта проблема поставлена на научную основу лишь в послевоенной советской историографии. Украинская буржуазно-националистическая и польская шовинистическая дворянская и буржуазная историография игнорировала и фальсифицировала проявления русско-украинских взаимосвязей.

В 50—90-х годах XVII века стремление украинского населения к освобождению от польско-шляхетского господства и воссоединению с Россией проявлялось в посольствах в Москву из Украины представителей братств, православного духовенства, различных культурных и духовных деятелей, установлении контактов украинских горожан, ремесленников, купцов с русскими дипломатами во время их пребывания на Украине. Они оказывали часто весьма существенную помощь русской дипломатии в качестве информаторов, консультантов и советников по вопросам внутриполитических дел на Украине и в Польше, а также по международному положению. Свидетельством этому являются сообщения русских дипломатов в «статейных списках» и «отписках» в Посольский приказ.

Начиная с 50-х годов XVII века, русское правительство, не имея возможности путем военных действий добиться воссоединения всех украинских земель, предприняло ряд дипломатических мероприятий перед правительством Польши, которые касались положения украинского и белорусского населения в составе Речи Посполитой. Русское правительство проводило эти действия систематически и постоянно в XVII и отчасти в XVIII столетиях, исходя из интересов стоявших у власти дворянских группировок, используя вопрос об угнетении украинского и белорусского населения польской шляхтой, католическим и униатским духовенством с целью оказания дипломатического давления на Польшу. Проводя постоянные демарши перед польским правительством в отношении национально-религиозного угнетения и религиозной политики на землях Украины и Белоруссии, русское правительство и Посольский приказ стремились привлечь на свою сторону широкие массы украинского и белорусского народа, усилить имевшиеся уже тенденции среди этого населения к воссоединению с Россией и заручиться его поддержкой при проведении активных внешнеполитических действий в отношениях с Польшей.

Отмечая классовый характер внешней политики Русского государства, следует признать, что объективно действия русской дипломатии по отношению к украинскому и белорусскому населению, которое оставалось под господством Речи Посполитой, имели прогрессивный характер. Систематические дипломатические действия русского правительства перед шляхетской Польшей до некоторой степени препятствовали польским феодалам и католическому духовенству в проведении их политики окатоличения и ополячения украинского и белорусского народов.

Во время русско-польских мирных переговоров в 1656, 1658, 1660, 1671—72, 1678 гг. русские дипломаты ставили требования прекратить национально-религиозное угнетение на Украине и в Белоруссии.

Вопрос о положении украинского и белорусского населения под властью шляхетской Речи Посполитой был поставлен русскими дипломатами уже в 1656 году во время мирных переговоров с польскими представителями после окончания кампаний русско-польской войны 1654—55 гг.

Значительный интерес представляет «Наказ большой и тайной полномочным российским послам» боярам Никите и Федору Одоевскому, окольнику Ивану Лобанову и дьякам Дохтурову и Юрьеву, которые направлялись в Вильно для переговоров с польскими предста-

В инструкции русским дипломатам предписывалось требовать от польского правительства прекратить национально-религиозное угнетение населения Украины и Белоруссии, церковную «унею... чтоб везде вскоре снесена была»<sup>2)</sup>.

Вместе с тем, в этом документе отчетливо видна классовая позиция русского правительства, в частности защита интересов духовных и светских православных феодалов. Так, в статье 1-ой инструкции ставилось требование: «Чтоб епископии, архимандритства и игуменства, церкви, также все села и маенности, которые из давних времен от православных княжат, панов и иных людей были наданы, а через униятов, ксендзов и иных людей отняты были, не откладывая от сойму на сойм, как перед тем бывало, но чтоб вскоре пущены были»<sup>3)</sup>.

В инструкции (статья 4-я) также выдвигалось требование предоставить православному духовенству права феодального иммунитета («чтоб всякие податки, повинности, подводы собираны не бывали, а чтоб при таких волностях и свободах пребывали... и о том стоять накрепко»<sup>4)</sup>). Соответственно 5-й ст. перед польской стороной ставилось требование, чтобы православные шляхтичи и мещане могли принимать участие в административном управлении («до майстрату (т. е. магистрату — Н. К.) припущены были... и о том стоят как мочно»<sup>5)</sup>).

Во время виленских переговоров эти требования были поставлены перед польскими представителями. Русские послы настаивали на воссоединении с Россией всех украинских земель. Однако Польша не собиралась удовлетворить территориальные претензии Русского государства, в связи с этим обе стороны ограничились заключением перемирия 24.X.1656 г.

Русскому послу кн. Никите Ивановичу Одоевскому в 1660 г. давалось указание при переговорах в Минске с польскими представителями «домогаться: 1) о присоединении к Малой России Подолья, Волыни, Каменец-Подольского и Брест Литовского, 2) унию, яко в недавних временах в королевстве Польском и Великом княжестве Литовском возникшую, истребить; вольное повсюду греческой веры исповедание исходатайствовать и чинимое единовѣрным в Польше жителям гонение отвратить; 3) православные греческой веры епископы Львовской, Луцкий, Владимирский, Премышльский и Хельмский к Киевскому митрополиту... без всякого возбранения да имеют свободный проезд и отъезд, и да останутся навсегда при своих правах нерушимо»<sup>6)</sup>.

Однако шляхетская Речь Посполитая продолжала свою традиционную политику национального преследования украинского и белорусского народов.

Исключительно благоприятные условия для дальнейшего развития и укрепления русско-украинских политических взаимосвязей, установления непосредственных контактов между русскими дипломатами и политическими деятелями из украинских земель, невоссоединенных с Россией, возникли в связи с пребыванием на Украине русских постоянных дипломатических представителей.

Обмен постоянными послами-резидентами между Речью Посполитой и Русским государством был вызван началом русско-польского сбли-

<sup>2)</sup> Центральный Государственный Архив Древних Актов СССР (далее ЦГАДА), ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 87 (1656 г.), л. 183-об.

<sup>3)</sup> Там же, лл. 182-об—183.

<sup>4)</sup> Там же, лл. 185—185-об.

<sup>5)</sup> Там же, лл. 186—187.

<sup>6)</sup> Бантыш-Каменский Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. Вильно, 1864, стр. 116—117.

жения в сложной международной обстановке. В значительной мере этому способствовала опасность для обеих стран со стороны Турции.

Во второй половине XVII века, особенно в начале 70-х гг., усилилась турецко-татарская агрессия против стран Восточной и Центральной Европы, в том числе против России, Украины, Польши, Австрии. В 1672 году турецкое войско нанесло поражение Польше, захватив главную крепость на Подолье — Каменец. С переходом гетмана Дорошенка под власть турецкого султана Турция открыто заявила о своих претензиях на господство над Украиной.

В этих условиях, а также в связи с наличием нерешенных территориальных вопросов для шляхетской Речи Посполитой и России необходимо было проводить постоянные консультации и получать информацию из наиболее достоверных источников о действиях татар и турок, о ходе военных действий по отражению турецко-татарской агрессии.

Поэтому обмен резидентами был в интересах двух сторон. В условиях начала русско-польского политического сближения русские дипломаты имели больше возможностей, чем раньше, чтобы ставить вопросы о положении на украинских землях в составе Речи Посполитой, о чем свидетельствуют подлинные сообщения русских резидентов в Польше.

Обмен постоянными дипломатическими представителями — резидентами между Россией и Речью Посполитой был произведен на основании Андрусовского перемирия 1667 года и Московского соглашения.

В 1673 году русское правительство Алексея Михайловича направило первым русским резидентом в Польшу «стольника и полковника» Василия Михайловича Тяпкина. С ним был послан Семен Лаврецкий «для переводу полских и латинских писем посольского приказу и латинского языка» <sup>6а</sup>). С резидентом были посланы «во дворянх» его сын Иван Тяпкин, шесть стрельцов <sup>7</sup>).

Одновременно в Россию был направлен польский резидент Павел-Михаил Свидерский <sup>8</sup>).

Это был первый обмен постоянными дипломатическими представителями между Польшей и Россией. «А в прошлых годах, — читаем в посольской книге, где зафиксировано отправление В. М. Тяпкина в Польшу и собрана его корреспонденция, — от великого государя ни в которые окрестные государства резиденты не посылаваны» <sup>9</sup>).

В. М. Тяпкину, как и Свидерскому, поручались важные политические задачи, чтобы «по доношению резидентов о всяких ведомостях подлинно и скорее было известно» <sup>10</sup>).

Выехав из Москвы 18.XI.1673 г., русские послы направились по маршруту Можайск — Вязьма — Дорогобуж — Смоленск. Затем посольство проезжало через Белоруссию (Орша, Минск) и Вильно. 28.I.1674 г. В. М. Тяпкин прибыл в Варшаву <sup>11</sup>). Началась деятельность первого русского резидента в Польше (1674—1677 гг.).

Еще в Смоленске русским дипломатам стало известно о смерти польского короля Михаила Вишневецкого. В Польше наступило очередное «безкоролевье». Часть польских феодалов предложила кандидатуру на престол Речи Посполитой сына Алексея Михайловича Федора Алексеевича.

4.II.1674 г. русскому резиденту принесли печатный проект объедине-

<sup>6а</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 160, лл. 39, 48.

<sup>7</sup>) Там же, кн. 161, лл. 1-об—2.

<sup>8</sup>) Там же, кн. 160, л. 22-об.

<sup>9</sup>) Там же, л. 1-об.

<sup>10</sup>) Там же, л. 23.

ния двух государств, в котором обосновывалась целесообразность русско-польского государственного объединения.

«Славные те оба народа (русский и польский—Н. К.) языком, обычаями своими себе подобны, в вере мало что розни, на одной земли без разделения морем или великие трудности рубежей пребывающее, притом имеющие соседей от многих сторон общих, доходы однаки — могли бы стати стеною христианства неодолимою силе бусурманской не токмо страх, но и погублением от всех соседей и государей христианских в покое нерушимом честь и преизящество тех вящее, когда б меж себя не токмо покой, но и союз вечной учинили»<sup>12)</sup>.

В представленном проекте также подчеркивалась задача борьбы против султанской Турции за освобождение поработанных народов Балканского полуострова: «Могли бы також де бысть... освобождение греческих и словенских народов христианских из неволи бусурманской, которые давно оборонь христианской жадают, да и тем же способом и подкрепление счастливые над неприятели победы»<sup>13)</sup>.

Однако правящие круги Польши и католическое духовенство, как и в прошлом (во второй половине XVI ст.), сорвали план объединения двух государств. На польский престол был избран коронный гетман Собеский — Ян III.

В одном из писем в Москву В. М. Тяпкин ярко охарактеризовал особенности политического строя Речи Посполитой — шляхетской республики с выборным королем и слабой королевской властью в отличие от Русского государства, где сложилась абсолютная монархия: «Не такие тут порядки, что в государстве Московском, иде же... един монарха и государь... А здесь, что жбан, то пан, не боятца... не токмо обранного государя своего, идеже оне де не познаеш, где и какого skutku в деле сии истиннаго постановления и указу одержать...»<sup>14)</sup>.

Еще находясь в Варшаве и Кракове, русский резидент установил тесные контакты, в особенности политические, с отдельными жителями Украины, в том числе Львова (например, со львовским купцом Кириаком Иссаровичем), которые являлись информаторами и консультантами русского резидента по внешнеполитическим вопросам и военным действиям против Турции и Крымского ханства<sup>15)</sup>.

В 70-е гг. XVII ст. участились турецкие и татарские набеги на южные и западные земли Украины. В этой напряженной обстановке польское правительство пыталось организовать отпор турецко-татарской агрессии. Король Ян III Собеский находился в действующей армии, стоящей лагерем на Украине, в Галичине. В этой связи и состоялся приезд русского посла В. М. Тяпкина на Украину летом 1675 года, чтобы быть ближе к театру военных действий.

На пути во Львов, где разместились штаб польского командования, В. М. Тяпкин остановился в Крехове. Здесь находился крупный монастырь, имевший к тому времени традиционные связи с Москвой. Креховские деятели в XVII веке совершали постоянные поездки в Москву за материальными субсидиями, политической поддержкой, производился также взаимный обмен произведениями культуры. Следует отметить, что креховским деятелям оказал поддержку Богдан Хмельницкий, выдав им рекомендательную грамоту в Москву во время их первого посольства в Россию в 1657 году<sup>16)</sup>. Впоследствии креховские деятели установили

<sup>12)</sup> ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 161, лл. 21—21-об.

<sup>13)</sup> Там же, лл. 25—25-об.

<sup>14)</sup> Там же, кн. 178, лл. 24-об—25.

<sup>15)</sup> Там же, кн. 163, лл. 58—59; кн. 164, лл. 26, 138-об, 143—144, 150, 152-об.

<sup>16)</sup> Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, СПб, 1861, № 376, стр. 595—596.

связи со всеми русскими резидентами в Польше: П. Б. Возницыным, И. М. Волковым и Б. М. Михайловым<sup>17)</sup>. В свете этих фактов приезд В. М. Тяпкина в Крехов в июле 1675 г.<sup>18)</sup> можно считать не случайным.

С июля до конца декабря 1675 года В. М. Тяпкин находился во Львове, выезжая несколько раз в лагерь к польскому королю в Жовкву и Яворов. Ответственное политическое задание он поручил своему сыну Ивану Тяпкину, которого послал в Москву в Посольский приказ к Артамону Сергеевичу Матвееву по вопросу организации похода русских войск против Турции<sup>19)</sup>.

Вместе с жителями Львова русский резидент разделял все невзгоды военного времени, связанные с разорением Галичины и окрестностей города турецкими войсками, пережил осаду Львова. В это тяжелое время русскому послу оказали материальную помощь львовские купцы Николай Внаревский и Александр Балабан, последний продолжал связи с русским послом и после отъезда В. М. Тяпкина из Львова<sup>20)</sup>.

С русским резидентом установил связи епископ перемышльский Антоний Винницкий, который стремился получить Киевскую митрополию и поэтому перейти в русское подданство. Когда Винницкий направил в Москву епископа из Закарпатской Украины Афанасия Мукачевского в 1677 г., русский посол дал ему свою рекомендацию в отписке в Посольский приказ<sup>21)</sup>.

Русский посол пользовался услугами местного населения в качестве переводчиков. После отъезда с дипломатической почтой в Москву Семена Лаврецкого переводчиком, консультантом и информатором Тяпкина полтора года был Павел Негребецкий, украинский шляхтич, который в 1677 году уехал вместе с резидентом в Москву<sup>22)</sup>.

Живя на Украине и зная положение украинского населения под игом польской шляхты и католического духовенства, русский резидент информировал Посольский приказ о национально-религиозном угнетении на этих землях.

Весной 1676 года он писал Артамону Сергеевичу Матвееву, руководителю приказа, об угнетении в Польше «русина православного»<sup>23)</sup>. Как видно из переписки с Москвой, к русскому послу обращались за политической защитой у русского правительства украинские горожане, православное духовенство. «Сего ради,— писал в Москву В. М. Тяпкин,— где православнии християне беспрестанно.. милости просят» у русского правительства, чтобы вопрос о прекращении национального и религиозного угнетения украинского населения в Польше «положити в договоры с полским государством, чтоб гонения православнии християне не имели от римских. А о сем писал за великим и плачевным принуждением их»<sup>24)</sup>. Вместе с тем, он отмечал, что верхушка львовского православного духовенства склонна к компромиссам с католическим и униатским духовенством («больше костелови римскому похлебуют»)<sup>25)</sup>.

В октябре 1676 года правительство Яна III Собеского заключило без консультаций с Россией тайный мирный договор с Турцией в Журавно

17) ЦГАДА, ф. 52, оп. 1; Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока («Греческие дела»), 7202, № 32, столб. 8.

18) Там же, ф. 79, оп. 1, кн. 161, л. 266-об.

19) Там же, лл. 287-об.—288-об.

20) Там же, кн. 178, лл. 23—24, 28—28-об., 125.

21) Там же, ф. 52, оп. 1; Греческие дела, 7187, № 1, столб. 106.

22) Там же, ф. 52, оп. 1; Греческие дела, 7203, № 1, столб. 6—7.

23) Там же, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 178, л. 169-об.

24) Там же, лл. 170—170-об.

25) Крыловский А. Львовское ставропигиальное братство. Киев, 1904, № 79, стр. 175—176.

(Журавненский договор), текст которого стал известен русскому послу<sup>26</sup>). Этот договор был невыгодным и унижительным для Польши, за Турцией оставалась Подолья с городом Каменцем. Политика шляхетской Польши была направлена на развязывание агрессии султанской Турции против России. Однако недалёковидные расчёты правящих кругов Речи Посполитой потерпели полное банкротство<sup>27</sup>).

В. М. Тяпкин благодаря информации «от сприяствующих и годных веры знакомцов» смог в своих сообщениях в Москву раскрыть интриги польского двора, а также Швеции и Франции, которые стремились использовать турецкую агрессию для ослабления Русского государства и предъявить России ультиматум по территориальным вопросам. Польское правительство в случае неудач России в войне с Турцией намеревалось аннулировать Андрусовское соглашение с Россией и потребовать «чрез послов... повращения Киева и Смоленска и прочих завоеванных мест». В случае отказа России выполнить польский ультиматум, «тогда совершенно поляки с шведами соединятся и с турецкими и с татарскими посланки (подкреплением — Н. К.), пойдут на государство Московское, смелою надеждою намерения своего для того, что уже будто войска и силы московские в нынешнее войны с бусурманы слабы и безсильны»<sup>28</sup>).

После Журавненского соглашения Польши с Турцией наступило ухудшение русско-польских отношений. Первый русский резидент в 1677 году уехал из Польши. Его деятельность явилась положительным вкладом в развитие русско-украинских взаимосвязей, положила начало связей русских резидентов, аккредитованных при польском дворе, с украинскими жителями.

Дипломатическая деятельность В. М. Тяпкина продолжалась в последующие годы. Он возглавил русское посольство для заключения мира с Крымом. Этим мирным договором (Бахчисарайским) завершилась первая в истории русско-турецкая война (1677—1681 гг.).

В сложной международной обстановке конца 70-х гг. XVII века заключение договора в Бахчисарае в 1681 году явилось успехом русской дипломатии и несомненным достижением дипломатического искусства русских дипломатов В. М. Тяпкина и Н. Зотова.

По пути в Крым русское посольство проезжало через Украину (Батурин, Сумы, Конотоп, Смелу, Белополье). Украинское население оказывало русским послам радушную и торжественную встречу. Как отмечал дьяк Никита Зотов в посольском журнале (статейном списке), «сотники и ясаулы и атаманы и казаки вооружась знамены, а городские люди и мещаня, с хлебом и солью выходили за город и принимали с честью»<sup>29</sup>).

В статейном списке посольства содержится любопытное описание юга Украины (современной Днепропетровской и Запорожской областей).

9 октября 1680 г. послы остановились на реке Орель, которая «идет частию под землею, и частию вынуряетца из земли озерами большими даже до самого Днепра». 11 октября пришли на реку Самару. Здесь, согласно записям в статейном списке, было обилие растительного и звериного мира: «по рекам и речкам и по удолиям многие талники и терники, где зверя и птиц и рыб множество есть..., и водами и конскими кормами и рыбами, и птицами, также и зверем... есть всего довольно»<sup>30</sup>).

<sup>26</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 178, л. 381-об.

<sup>27</sup>) Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., АН СССР, стр. 521.

<sup>28</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 182, лл. 1—2-об.

<sup>29</sup>) Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1850, стр. 8.

<sup>30</sup>) Там же, стр. 15, 17.



Наблюдательные русские дипломаты пришли к выводу о большом стратегическом значении этой, тогда еще не освоенной территории, для укрепления обороны России с юга против турецко-татарских набегов.

Так, в статейном списке читаем: «В том месте (речь идет о бассейне рек Орели и Самары, а также речки Овечьи Воды—Н. К.) пристойно для облегчения запасов и преграды пути бусурманского в Русь, град устроить земляной, и всякими крепостями укрепить, и пехотою и всякими полковыми припасами удовлетворить, и держать его мощно безо всякие трудности потому, что тою рекою даже до самого устья реки Днепра плавной ход будет стругами свободной, и неприятельской путь одержан будет паче тысяч многих войск. Потому, что, кроме того Моравского шляху, способнейшаго и прямого пути проходить татаром на Русь некуда... Да не токмо на тех Овечьих водах, но и на всех помянутых вершинах Конских и Самарских и Орельских вод мочно города земляные крепкие поделать, и людьми служилыми конными и пешими осадить, и полковыми всякими запасы наполнить, и жить вечно, для того, что коло тех рек, и на степях, дубровы великие, леса и терники и талники и камыши, и зверь в лесах, и рыбы в водах, и кормов конских всюды множество, и пашни можно завести великие. А рекою Днепр вниз и теми реками из Днепра в верх под города со всякими служилыми запасы проходы будут вольные и неприятелей бусурманских безопасные»<sup>31)</sup>.

Этот проект был отчасти выполнен через девять лет. В 1689 г. во время похода Василия Голицына на Крым на реке Самаре в урочище «сорок боераков» был заложен Богородицкий городок<sup>32)</sup>.

В статейном списке посольства В. М. Тяпкина и Н. Зотова содержится также описание Запорожской Сечи, сообщаются некоторые сведения о быте и обычаях запорожских казаков того времени. В целом можно сказать, что этот статейный список является ценным источником для изучения истории русской дипломатии последней четверти XVII века и отчасти топографии юга Украины того времени.

Время с 70-х гг. по 80-е гг. XVII века характерно ухудшением польско-русских отношений, виной чему была недалёковидная позиция польских правящих кругов, направленная на ослабление Русского государства и ориентация на западные страны, которым по существу чужды были интересы Польши и задачи борьбы против агрессивных устремлений султанской Турции. Лишь только усиление агрессии со стороны Крымского ханства и особенно Турции в 80-х годах против Австрии и Венецианской республики заставили западные страны серьезно заняться вопросом антитурецкой борьбы, в которой ведущую роль могла играть Россия.

На протяжении 1678—1688 гг. в Польше не было русских постоянных дипломатических представителей в ранге резидентов. Между Россией и Польшей происходили лишь периодические переговоры по вопросу заключения мирного договора, который должен был заменить Андрусовское перемирие. Во время этих переговоров русские дипломаты неоднократно ставили вопрос перед правительством Речи Посполитой о прекращении национально-религиозного угнетения украинского и белорусского населения в Польско-Литовском государстве.

В 1679 г. в Польшу были посланы для ведения переговоров русские

<sup>31)</sup> Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1850, стр. 20—22.

<sup>32)</sup> Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 4, М., 1825, стр. 605.

послы Иван Васильевич Бутурлин, Иван Чаадаев и дьяки Голосов и Протопопов. На совещании с польскими представителями в Гродно русские послы 2.III.1679 г. требовали, чтобы очередной сейм принял официальное решение («сеймовую конституцию»), которое бы явилось гарантией прекращения национально-религиозных преследований в Польше: «дабы в силу всех постановленных договоров церквам и жителям в Польше и Литве греко-российской веры никакого утеснения, разорения и принуждения ни к римскому закону, ниже к унии чинимо не было, и чтоб на имеющемся сейме внесена была сия статья для ненарушимого от всех сохранения, в конституцию»<sup>33</sup>).

Однако польская сторона в лице канцлера Криштофа Паца пыталась опровергнуть заявление русских представителей.

Мероприятия русской дипломатии в этом направлении встречали противодействие со стороны представителей шляхетской Польши и в начале 80-х годов. Так, например, польские сенаторы вновь отвергли предложения русских послов И. А. Прончишева и Е. Украинцева о соблюдении национально-религиозной толеранции в Речи Посполитой. В доказательство проводимых католическим духовенством действий по насильственному введению церковной унии, которая, как известно, была провозглашена кучкой ренегатов из высшего православного духовенства на церковном съезде в Бресте в 1596 году и с негодованием отвергнута украинским и белорусским народами, как орудие национального порабощения народов, русские послы разоблачили новую попытку католиков объявить унию на предстоящем соборе духовенства в Люблине. Однако и в этот раз польская сторона отвергла русский протест<sup>34</sup>).

Неуступчивая позиция шляхетской Польши по территориальным вопросам, продолжающееся усиление национального угнетения украинского и белорусского населения в Польше, враждебная России позиция по внешнеполитическим вопросам препятствовали заключению русско-польского союза в интересах борьбы против турецко-татарской экспансии.

Неудачи дипломатического и военного характера Польши в первой половине 80-х годов, усиление угрозы со стороны Турции заставили польское правительство пойти на новое соглашение и военный союз с Русским государством.

В 1684 году образовалась антитурецкая коалиция европейских государств, так наз. «Священная лига», в которую вошли Австрия, Польша, Венеция. К участию в этой коалиции была приглашена и Россия, без которой борьба против Турции была бы тогда обречена на неудачу. Русское правительство поставило условием перед вхождением в антитурецкую лигу заключение Польшей с Россией «вечного мира». В качестве арбитра в отношениях между Россией и Польшей выступила Австрия. Правительство этой страны, заинтересованное в организации отпора турецкой агрессии, оказало давление на Польшу в деле заключения мирного договора с Россией.

Сложная международная обстановка вынудила польское правительство пойти на переговоры с Россией.

В начале 1686 года в Москву прибыли полномочные польские послы Криштоф Гримултовский и Марциян Огинский для ведения переговоров о заключении мирного договора.

Переговоры в Москве происходили в напряженной и ожесточенной

<sup>33</sup>) Бантыш-Каменский Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии. Вильно, 1864, стр. 123—124.

<sup>34</sup>) Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Фёдора Алексеевича. СПб, 1888, стр. 53.

борьбе по территориальным вопросам. Русские представители на этих переговорах, глава русской делегации, руководитель внешней политики России в то время В. В. Голицын настаивали на воссоединении с Россией правобережных поднепровских земель с городами Терехтемиров, Канев, Черкасы, Бровица, Бужин, Крылов, Чигирин и др.<sup>35</sup>).

При этом русские дипломаты подчеркивали, что это исконные казацкие земли, на которые Польша не имеет прав.

Однако требования Голицына по территориальным вопросам наталкивались на упорное сопротивление польских представителей, угрожавших заключением польско-турецкого союза.

В результате московских переговоров весной 1686 года был составлен договор о «вечном мире» между Россией и Польшей и военно-оборонительный союз между двумя странами. «Вечный мир» явился крупным внешнеполитическим успехом русской дипломатии, хотя и трактат об этом мире не удовлетворил территориальные предложения русского правительства. По договору Левобережная Украина и Киев, а также Смоленск признавались территорией в составе Русского государства.

Заклучив договор о «вечном мире» с Польшей, Русское государство, однако, не отказалось от решения вопроса о воссоединении всех украинских и белорусских земель, которые оставались в составе Речи Посполитой. Договор о «вечном мире» имел положительное значение для дальнейшего развития русско-украинских политических взаимосвязей.

Русское правительство воспользовалось заключением мирного договора с Польшей, чтобы вновь подчеркнуть свое отношение к украинскому населению, которое оставалось под игом польской шляхты.

По требованию русской стороны в договор о «вечном мире» была внесена особая статья 9-я. Эта статья касалась положения украинского и белорусского населения в Речи Посполитой. Русское государство по существу брало под свою защиту и покровительство это население, подчеркивая этническую и национальную, культурную и религиозную общность и единство с русским народом.

Согласно девятой статье польское правительство должно было прекратить национально-религиозное угнетение православного населения в «епископиях Луцкой и Галицкой, Премышльской, Львовской, Белороссийской и при них монастырем, архимандриям Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и иным игуменствам, братствам, в которых обреталось и ныне обретается употребление благочестивой греко-российские веры и всем тако живущим людем в коруне Полской и великому княжестве Литовском в той вере остающихся никакова утеснения и к вере римской и к унее принуждения чинить не велит и быти то не имеет, но по давным правам во всяких свободах и волностях церковных будет блюсти»<sup>36</sup>).

Хотя договор о «вечном мире» не решил проблемы воссоединения украинских земель, которые находились в составе нескольких государств (России, Польши, Венгрии, Молдавии, Крыма), благодаря его заключению, особенно статье девятой, для русской дипломатии возникли благоприятные условия, чтобы ставить перед польским правительством вопрос о политическом положении на Украине и в Белоруссии.

Для ратификации договора о «вечном мире» в Польшу было направлено из Москвы «великое и полномочное» посольство.

В состав этого посольства вошли: ближний боярин и наместник вятский Борис Петрович Шереметев (глава делегации), окольный и на-

местник муромский Иван Иванович Чаадаев, думный дьяк Протасий Иванович Никифоров и дьяк Иван Михайлович Волков<sup>37</sup>).

Для перевода с польского и латинского языков с послами был направлен переводчик Посольского приказа Степан Чижинский<sup>38</sup>), который был сыном шляхтича «из львовского повету». В 70-х годах он переехал из Смоленска в Москву, где в начале (с 1675 г.) был руководителем русского театра, а в 80-х годах стал переводчиком Посольского приказа, выполняя, таким образом, ответственные поручения русского правительства. Чижинский был переводчиком при втором русском резиденте в Польше Прокопии Богдановиче Вознице<sup>39</sup>).

Всего в составе посольства Шереметева вместе с дворянами, стольниками, стряпчими находилось 25 человек<sup>40</sup>).

Русским послам была дана подробная инструкция, в которой содержался ряд важных политических указаний.

Посольству Шереметева дано было указание сообщать по пути следования делегации содержание 9-й статьи договора белорусским и украинским политическим и культурным деятелям и «обнадеживать и давать с той статьи для подлинной ведомости списки»<sup>41</sup>).

Таким образом, русское правительство не ограничилось внесением в договор о «вечном мире» 9-й статьи, но, по-видимому, было заинтересовано в том, чтобы его инициатива по данному вопросу была широко известна и оно могло выступать в качестве защитника коренного населения на землях Украины и Белоруссии, которое оставалось в составе Речи Посполитой. При этом, несомненно, руководство Посольского приказа преследовало классовые, политические цели, стремясь оказывать политическое давление на польское правительство, используя вопрос о национальном угнетении польской шляхтой и католическим духовенством украинского и белорусского населения.

Выполняя инструкцию русского правительства, русские полномочные послы на своем пути следования в Польшу доводили до сведения и давали списки статьи 9-й мирного договора белоруссам в Могилеве, Борисове, Минске, украинскому духовенству во Львове и Ярославле<sup>42</sup>).

Еще по пути в Польшу русским послам стало известно о борьбе, которая происходила среди правящих кругов Польши и Литвы по вопросу о мирном договоре с Россией. Так, в августе 1686 г., когда русские дипломаты следовали через белорусские земли, они получили информацию от местной шляхты и духовных лиц, что «королевскому величеству и всему княжеству литовскому. вечное мирное нынешнее постановление надобно, а корунные (т. е. польские магнаты и шляхта — Н. К.) того мирного постановления... не хотят принят для того, что ...всей их Речи Посполитой в том мирном постановлении некоторые статьи несносны. Первое, что благочестивой вере быть ото всякие тесноты и от гонения свободной и что духовным в Коруне Полской и в великом княжестве Литовском употребление ко благословению киевского митрополита иметь волное, и что Киев со всею Малоросиею и иные воеводства уступлены в ...сторону» Русского государства<sup>43</sup>).

Такая позиция правящих кругов Польши вполне определенно обна-

<sup>37</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 226, лл. 1—4-об.

<sup>38</sup>) Там же, л. 4-об.

<sup>39</sup>) Там же, кн. 234, лл. 3—4; кн. 233, лл. 6-об., 9-об., 10-об. Шляхтич Чижинский

ружилась на переговорах русских послов с польскими сенаторами, которые происходили во Львове, куда прибыло посольство Шереметева 26.IX.1686 г. по указанию польского короля Яна III<sup>44</sup>).

Переговоры о ратификации мирного договора происходили во Львове с сентября до конца декабря 1686 года. Между русскими послами и польскими сенаторами произошли четыре совещания до и после ратификации договора<sup>45</sup>).

Согласно полученной инструкции русские послы во время третьего и четвертого совещаний с польскими представителями (в «ответех») настойчиво требовали, как и В. В. Голицын во время московских переговоров с Гримултовским и Огинским, включения в состав Русского государства правобережных поднепровских городов к югу от Киева по Днепру, начиная от Ржищева, включая города: Терехтемиров, Канев, Мошны, Сокольне, Черкассы, Боровица, Бужин, Воронкове, Крылов и Чигирин<sup>46</sup>).

Требования эти русские дипломаты аргументировали тем, что это коренная украинская земля и Польша не имеет никаких прав на захваченные ею территории. При этом русские послы отмечали, что это с давних времен казацкая земля. Они заявили, что эти земли Русскому государству «мочно без всякие трудности уступить..., как это было изстари, для того, что те земли изстари казацкие, и оные искони в области войска запорожского не токмо при гетмане бывшем Хмелницком, но и прежде того никаких тамо коруны Полско́й и великого княжства Литовского шляхта и жители маетностей своих и поселения не имели, а владели теми всеми вышеписанными землями казаки безо всякой помешки, о чем ныне до тех всех земель и пасек и сенокосов, там обретающихся, свидетели и самые хозяевя прадедов и дедов и отцов своих по владению и по старине, яко есть прямые тем землям наследники в Малороссийских городех живут...»<sup>47</sup>).

Однако и на этот раз, как и в Москве, польские представители категорически возражали против передачи в русское владение этих земель, соглашаясь лишь, согласно договору о «вечном мире», на вхождение в состав Русского государства собственно земель запорожского казачества: «по обоим сторонам реки Днепра одни толко запорожские казаки со всеми при них другими волностями и местами по устье реки Тясмины, которая впадает в Днепр. А от устья реки Тясмины рубеж вверх в поле прямо от чертою Чигирина не займуя, к лесу, которой называется Черной...»<sup>48</sup>).

На совещаниях послов было принято решение о предстоящем обмене постоянными дипломатическими представительствами при обоих правительствах, как это уже имелось в практике дипломатических отношений в прошлом (в 70-е годы).

При этом польские сенаторы выдвигали требование, чтобы в обе страны были посланы не по одному, как раньше, а по два резидента, из них один находился бы при правительстве, а другой — в действующей армии («при войсках»). Это предложение не было принято русским посольством, поскольку для этого обязательно нужна была санкция русско-

<sup>44</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 227, л. 36.

<sup>45</sup>) Там же, л. 530.

<sup>46</sup>) Там же, кн. 226, л. 33-об.; кн. 227, л. 433.

го правительства. Поэтому было решено произвести обмен по одному резиденту с каждой стороны, согласно уже существующей практике<sup>49)</sup>.

Острые споры разгорелись по вопросу о национально-религиозных преследованиях украинского и белорусского населения в Речи Посполитой.

В день ратификации польским королем договора 12.XII.1686 г. на совещании с польскими сенаторами русские послы потребовали неуклонного выполнения в Польше 9-й статьи договора о «вечном мире». При этом они подчеркнули, что на украинских землях «чинитца от унийтов многое гонение и к унее притеснение», и потребовали, чтобы «в стороне его королевского величества по договором было исполнено»<sup>50)</sup>. Польские сенаторы не смогли опровергнуть фактами выдвинутые обвинения, однако пытались голословно утверждать, что, якобы, в Польше соблюдается религиозная толеранция; при этом они заметили, что «кто похочет быть унийтом своею волею, и таким того не забороняют»<sup>51)</sup>.

Это заявление польских представителей находилось в вопиющем противоречии с действительной обстановкой на украинских землях под шляхетским игмом. Именно во второй половине XVII века здесь происходило дальнейшее усиление польско-католического наступления, непрекращающиеся попытки насильственного введения церковной унии, против которой велась на Украине борьба.

Народные массы понимали, что религиозная уния являлась средством и орудием подчинения их польским феодалам и католическому духовенству. Борьба против национального угнетения сочеталась и переплеталась с социальной, классовой борьбой в городах и селах Украины. Выступления широких народных масс против насильственного введения церковной унии и ополячения явились в некоторой степени проявлением социального протеста, социальной и антифеодальной, а также и освободительной борьбы.

В средневековье, как известно, классовая борьба нередко скрывалась под религиозной оболочкой, что, по определению Ф. Энгельса, «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека..., но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»<sup>52)</sup>. В другом месте в этой связи Ф. Энгельс отмечал: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представить им в религиозной одежде»<sup>53)</sup>.

Эту мысль высказал В. И. Ленин, когда писал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»<sup>54)</sup>.

<sup>49)</sup> ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, Сношения России с Польшей, кн. 227, лл. 442, 444—444-об.

<sup>50)</sup> Там же, кн. 255, лл. 7-об.—8.

<sup>51)</sup> Там же, кн. 227, л. 443.

<sup>52)</sup> Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 21, стр. 294.

<sup>53)</sup> Там же, стр. 314.

Центральным событием в русско-польских переговорах 1686 г. во Львове явилась ратификация польским королем Яном III договора о «вечном мире», которая состоялась 12.XII.1686 г. Несмотря на все попытки польских феодальных правящих кругов им не удалось сорвать заключение мирного договора с Россией, хотя они упорно саботировали выполнение 9-ой статьи этого соглашения.

В 80—90-х годах XVII века и в начале XVIII века правительства России через посредство своих дипломатических представителей, особенно резидентов, систематически требовали неуклонного выполнения Речью Посполитой взятых на себя обязательств согласно 9-ой статье договора о «вечном мире». В связи с этим правительствам Польши был послан ряд дипломатических нот, в том числе в 1689, 1690, 1692, 1693, 1697, 1700 гг.

В ЦГАДА СССР сохраняется интересная сводка дипломатических действий русской дипломатии перед правительствами Речи Посполитой в отношении выполнения условий 9-ой статьи договора о «вечном мире». Заглавие этого документа: «Выписка о живущих в Польше и Литве греко-российского исповедания людях, каким они образом по заключению 1686 года между Россиею и Польшею вечнаго мира ко унии обращаемы были и какая о том российские послы польскому двору представления чинили с 1686 по 1701 год». Документ этот насчитывает 70 листов рукописи XVIII века и составляет 255-ый том коллекции посольских материалов фонда «Сношения России с Польшей».

С другой стороны, имеются сведения, что русские дипломаты пользовались помощью некоторых лиц из Украины, в частности при составлении и заключении мирного договора с Польшей в 1686 году.

В заключении договора о «вечном мире», по-видимому, некоторую роль сыграл, например, Юрий (Георгий) Папара. Он принадлежал к известной львовской семье бюргеров, являлся членом Львовского Успенского братства с 1656 года, был бессменным старшим «братчиком» в 1690—1699 гг.<sup>55)</sup>

Как отмечено в статейном списке четвертого русского резидента при польском правительстве Бориса Михайловича Михайлова, 16 июня 1692 года у него произошла встреча с Юрием Папарой во Львове. В этом посольском журнале читаем: «Шел посланник из Львова для отъезду в Яворово львовским предместьем, и за езувицким костелом встретился шляхтич стар гораздо и зело муж честен, имянем Юрья Попара, и, поздравя посланника, говорил, что ему есть молвить слова втай». Папара рассказал Б. М. Михайлову, что «бывал он на Москве... при... Михайле Федоровиче... не поодно время. А при державе... Алексея Михайловича... з боярином Артемоном Сергеевичем Матвеевым о всяких тайнах имел обсылки многие годы. И будто его службою на уложенный срок в Андрусовских договорах город Киев царского величества в стороне одержан и поляком не отдан. И о том де его радении ведомо на Москве в посолском приказе»<sup>56)</sup>.

В свете известных теперь фактов о той помощи, которую предоставляли жители украинских земель в составе Польши русским дипломатам как переводчики, информаторы и консультанты по внешнеполитическим вопросам и пользовались несомненно политическим доверием у русских послов, деятельность Папары вряд ли должна вызвать удивление.

<sup>55)</sup> Научная библиотека в г. Львове. Отдел рукописей, ф. Оссолинских, Плянтационная книга, № 2125/11. В советской литературе впервые о связях Папары с Михай-

л. Ю. Гербицкий в кн. «Петро Перший в Західній

Характерно отметить, что он обращался к Михайлову не по личному вопросу (хотя мог это сделать), а как представитель львовского Успенского братства, влиятельной политической и культурной организации украинских львовских мещан. Папара разоблачил предательскую деятельность львовского митрополита Иосифа Шумлянського, который являлся тайным агентом католического духовенства и пытался насильственным путем и методами обмана ввести унию в галицкой земле. Папара подчеркнул роль братства во Львове, члены которого «никогда добровольно до унии быти не хотят» и что Шумлянський знает, что против унии «братство крепко стоит»<sup>57)</sup>.

К русским дипломатам на Украине, как видим, обращались культурные, политические деятели, надеясь получить у них моральную и политическую поддержку в условиях усиленного национально-религиозного преследования в шляхетской Польше. Такие случаи не были единичными или спорадическими.

После заключения договора о «вечном мире» русское правительство получило больше возможностей, чтобы ставить вопрос о политическом положении на землях Украины, которые оставались под господством польских феодалов и иметь постоянную информацию о положении на Украине. Этому способствовало пребывание с 1688 г. и до конца столетия русских резидентов в Польше. Следует иметь в виду, что русские дипломаты значительную часть своей резиденции находились на Украине, поскольку здесь сосредоточены были польские войска для борьбы с турками и татарами, здесь же находились польские сенаторы и польский король. Это давало возможность русским резидентам быть хорошо осведомленным, иметь постоянную и прямую информацию о положении на Украине. Благодаря этому русское правительство могло систематически делать запросы польской стороне о соблюдении 9-ой статьи мирного договора 1686 года.

Вторым после В. М. Тяпкина русским резидентом, аккредитованным при польском дворе, был Прокофий Богданович Возницын (в 1688 — 1689 гг.).

П. Б. Возницын с мая по июль 1688 года находился в Варшаве. Уже тогда он сумел установить связи с отдельными украинцами, которые были у него в качестве переводчиков, имел переписку с адресатами из украинских городов: Львова, Буска<sup>58)</sup>.

Вначале переводчиком у Возницына был уже упоминаемый Степан Чижинский, а после отъезда его с дипломатической почтой в Москву Возницын принял на его место другого украинского шляхтича из «Лвовского повету» Ивана Тарнавского. Это был довольно образованный человек. Когда в октябре 1694 г. он приехал в Москву, в Посольском приказе отметили, что «учен он по латине во Лвове граматике, синтаксии, поэтике и реторике и честь и писать по латине и по полску и по белорусски умеет, а русской язык говорить умеет ж, и переводить с латинского и полского и белорусского языков на русской язык может»<sup>59)</sup>.

Тарнавский являлся не только переводчиком, но также выполнял важные политические поручения русских послов как Возницына, так и его преемника Волкова, третьего русского резидента в Польше<sup>60)</sup>. Интересно отметить, что Тарнавский имел связи с Креховым, где настоятелем монастыря был его родственник по имени Полихроний. Полихроний в 1694 г., приехав в Москву, заявил в Посольском приказе, что о их дея-

57) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 242, лл. 179—180-об.

58) Там же, кн. 233, лл. 292-об., 316-об., 318, 319-об., 343-об., 350-об., 363, 376-об., 415.

59) Там же, ф. 52, оп. 1; Греческие дела, 7203, № 1, столб. 2.



тельности и преследованиях от католиков и униатов «ведомо... резидентом бывшим Прокофью Возницыну, Ивану Волкову, а нынешнему Борису Михайлову»<sup>61</sup>).

Необходимость быть ближе к театру военных действий против турок и татар, к польскому военному лагерю обусловила приезд русского дипломата на Украину. С 7.VIII по 27.XI.1688 г. русский резидент жил во Львове, выезжая несколько раз в Золочев и в Жолкву<sup>62</sup>), Возницын установил тесные связи с местным украинским населением. В своих донесениях в Москву он отмечал, что здесь имеются многие люди «доброжелающие» Русскому государству<sup>63</sup>). К их числу следует отнести членов львовского Успенского братства, имевшего связи с Россией и Москвой еще с начала 90-х годов XVI в., когда в Москву было направлено (в 1592 г.) братское посольство<sup>64</sup>).

В августе — сентябре 1688 года между львовским братством и Возницыным наладились связи, братство несколько раз делало подарки русскому послу<sup>65</sup>).

В ноябре 1688 г. П. Б. Возницын уехал из Львова в Варшаву. Накануне открытия Варшавского сейма в январе 1689 года к нему обращались секретно многие украинские жители, чтобы он потребовал от польского правительства, подтверждения на предстоящем сейме 9-ой статьи договора о «вечном мире». Об этом просили П. Б. Возницына многие «доброжелающие великим государем»<sup>66</sup>).

В связи с этим П. Б. Возницын обратился за указаниями в Москву, откуда ответ пришел незамедлительно. 24.I. 1689 г. русскому резиденту была прислана из Москвы грамота. В ней говорилось, чтобы статью 9-ую мирного договора 1686 г. «на сейме валном подтвердить и в сеймовую констытуцию напечатать», Возницыну предписывалось, «будучи с сенатори в ответех говорил и домогался накрепко, дабы королевское величество и они сенатори поставленный с великим государями вечны мир и святы покой на нынешнем валном сейме согласили всем поветовым послам и колу рыцерскому и Речи Посполитой обоих народов духовным и мирским и в констытуцию сеймовую о том написали, и тем тот святы покой... подтвердили...»<sup>67</sup>).

Однако осуществить это задание правительства Возницыну не удалось, так как сейм был сорван в конце марта 1689 г. и 9-ая статья договора не была подтверждена<sup>68</sup>).

20.VI. 1689 г. П. Б. Возницын вернулся из Польши в Москву, а на его место на резиденцию в Польше прибыл участник его посольства — Иван Михайлович Волков<sup>69</sup>), который выполнял обязанности резидента в 1689 по 1692 год.

Третий русский резидент в Речи Посполитой, как и его предшественники, тоже поддерживал связи с украинским населением. Как и предыдущие русские резиденты (В. М. Тяпкин и П. Б. Возницын), Волков стремился быть ближе к театру военных действий и королю. Поэтому

<sup>61</sup>) ЦГАДА, ф. 52, оп. 1; Греческие дела, 7202, № 32, столб. 8.

<sup>62</sup>) Там же, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 234, л. 244, кн. 233, лл. 578—581; кн. 235, лл. 120, 125, 205.

<sup>63</sup>) Там же, л. 203.

<sup>64</sup>) ЦГИА УССР (Львов), ф. 129, оп. 1; Ставропигийский институт, ед. хр. 182, л. 1; ед. хр. 931, лл. 1—1-об.; ЦГАДА, ф. 79, оп. 2; Сношения России с Польшей, ед. хр. 10.

<sup>65</sup>) ЦГИА УССР (Львов), ф. 129, оп. 1, ед. хр. 1174, лл. 5—6.

<sup>66</sup>) ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 235, лл. 203, 249.

<sup>67</sup>) Там же, кн. 255, лл. 9—9-об.

<sup>68</sup>) Там же, л. 9-об.

<sup>69</sup>) Там же, л. 235.

Волков совершил несколько путешествий на Украину, а именно в галицкую землю, где располагалось лагерем польское войско.

Как видно из документов резидента, большую часть своей резиденции Волков провел во Львове, а именно с 2.VII по 29.XII.1689 г., с 17.IX.1690 по 15.II.1691 г. и с 11.VIII.1691 до начала 1692 года <sup>70)</sup>.

Находясь во Львове, Волков выезжал и в другие местности Украины: в Жолкву, Золочев, Олеско, Броды, Поморяны <sup>71)</sup>.

Он установил связи с культурными, политическими и церковными деятелями этих городов, пользовался их услугами в качестве переводчиков и консультантов, получал важную политическую информацию <sup>72)</sup>.

Деятельное участие принимал И. М. Волков, как и его предшественники, в мероприятиях русского правительства по обеспечению выполнения 9-ой статьи мирного договора 1686 г. Он постоянно собирал сведения о положении украинского и белорусского населения в Речи Посполитой, сообщал в Москву об актах насилия со стороны польских феодалов, городского польско-немецкого патрициата, католического и униатского духовенства. По его информации русское правительство заявляло протест Польше.

Так, в апреле 1690 г., находясь во Львове, И. М. Волков получил сообщение о принуждении белорусского населения к унии в Борисове и в Могилеве. Об этих фактах он немедленно сообщил в Посольский приказ <sup>73)</sup>. В связи с этим, 8.V.1690 г. Е. И. Украинцев заявил свой категорический протест польскому резиденту в Москве Довманту <sup>74)</sup>.

Кроме того, И. М. Волкову была послана из Москвы инструкция, согласно которой он должен был требовать у польского правительства подтверждения на предстоящем сейме договора о «вечном мире», особенно статьи 9-ой, которая польским правительством «предана забвению» <sup>75)</sup>.

18.VIII.1691 г. И. М. Волков посетил коронного концлера и потребовал подтверждения на сейме договора о «вечном мире» и напечатания в сеймовой конституции <sup>76)</sup>.

Дипломатические мероприятия русского правительства в отношении положения украинского населения в Речи Посполитой были особенно интенсивны в последнем десятилетии XVII века, когда на резиденции при польском правительстве в 1692—1696 гг. находился Борис Михайлович Михайлов. Он установил тесные связи с членами львовского Успенского братства, посещал братскую школу, приобретал книги, издаваемые братством <sup>77)</sup>.

В 1692—1694 гг. Михайлов неоднократно требовал от польских сенаторов неуклонного выполнения статьи 9-ой договора 1686 г. Так, во время «конференции» у Яблоновского и Потоцкого он заявил, что в Польше в Литве «вечному миру чинитца великое нарушение» <sup>78)</sup>.

В ответ на неоднократные обращения и отписки Михайлова в Москву с сообщениями об усилении наступления униатов и католиков на ук-

<sup>70)</sup> ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 236, лл. 374, 643-об., 662, 758-об., 1054, 1213-об., кн. 237, лл. 254-об.; 255, 1163-об., 1703-об., 1706-об. и др.

<sup>71)</sup> Там же, кн. 236, лл. 203, 203-об., 259, 264, 264-об., 370—374; кн. 237, лл. 464, 517—518, 530.

<sup>72)</sup> Там же, кн. 236, л. 1222-об.; кн. 239, лл. 28—28-об., 153-об.; кн. 236, лл. 1225-об. — 1226.

<sup>73)</sup> Там же, кн. 237, лл. 771-об.—772; кн. 255, л. 10-об.

<sup>74)</sup> Там же, кн. 236, лл. 465—474-об.

<sup>75)</sup> Там же, лл. 609—612.

<sup>76)</sup> Там же, кн. 255, л. 11.

<sup>77)</sup> ЦГИА УССР (Львов), ф. 129, оп. 1; Ставропигийский институт, ед. хр. 1180.

<sup>78)</sup> ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 242, лл. 199-об., 200, 378—378-об.; кн. 255, л. 20-об.;

раинских и белорусских землях, русское правительство прислало Михайлову грамоту 16.IX. 1692 г., чтобы он заявил польским представителям требование русского правительства о том, чтобы не было «нарушения и противности» договора о «вечном мире»<sup>79)</sup>. Из всех статей договора русское правительство требовало 27.XII. 1692 г. подтверждения только одной — девятой («А о подтверждении на сейме всех вечного миру договорных статей и о вписании их в констытуцыю. ныне не говорить»<sup>80)</sup>).

Русские постоянные дипломатические представители при польском правительстве, как видим, в последней четверти XVII века принимали деятельное участие в мероприятиях русского правительства по отношению к положению украинского и белорусского населения в Речи Посполитой.

Подведем некоторые итоги.

В сложной международной обстановке благодаря усилиям русской дипломатии в интересах борьбы против турецко-татарской экспансии в Восточной и Центральной Европе удалось добиться заключения русско-польского договора о «вечном мире» в 1686 году. Этим важным актом было закреплено воссоединение с Россией Левобережной Украины, территории запорожского казачества и Киева.

Русские правительственные круги стремились к воссоединению украинских и белорусских земель, которые оставались в составе Речи Посполитой. Не имея возможности путем военных действий достичь воссоединения всех украинских и белорусских земель в Русском государстве, русское правительство внесло в этот договор особую статью 9-ую о положении украинского и белорусского населения в Речи Посполитой. Ссылаясь на эту статью, русская дипломатия имела возможность ставить вопрос о национально-религиозном преследовании коренного населения на этих землях перед правительством Польши.

Несмотря на смену правительств и руководителей Посольским приказом (Матвеев, Голицын, Украинцев) вопрос о положении украинского и белорусского населения в Речи Посполитой находился постоянно под пристальным вниманием русских дипломатов, и выступления в защиту этого населения проводились на протяжении всей второй половины XVII столетия.

Важная роль в этих мероприятиях русской дипломатии принадлежала русским постоянным дипломатическим представителям (резидентам), аккредитованным при польском дворе в 1673—1677 и с 1688 года до конца века.

Русские резиденты часто находились на Украине, были хорошо информированы о политическом положении на Украине, они устанавливали непосредственные контакты с местным населением, пользовались услугами его представителей (преимущественно из числа украинской шляхты и православного духовенства) в качестве переводчиков, консультантов и информаторов по внутри- и внешнеполитическим вопросам.

Хотя внешняя политика русских правительств имела классовый характер, проводилась в интересах феодального класса, вопрос о положении украинского народа использовался в политических интересах феодального Русского государства, эта политика по отношению украинских и белорусских земель была объективно прогрессивной, поскольку до некоторой степени препятствовала польской шляхте, польско-немецкому городскому патрициату, католическому и униатскому духовенству в их деятельности по окатоличению и ополячению народов Украины и Белоруссии.

<sup>79)</sup> ЦГАДА, ф. 79, оп. 1; Сношения России с Польшей, кн. 241, л. 349-об.

<sup>80)</sup> Там же, л. 473.